

***ПЕЧУРИНА Ольга Алексеевна**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна. Автор 61 научной публикации**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2177-9044>

ГИПОТЕЗА О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ НЕВЕРБАЛЬНЫХ ЗНАКОВ И ИХ СИМВОЛИКИ

В статье высказывается гипотеза о происхождении ряда невербальных знаков на материале использования ткацких артефактов. Ткацкие технологии – культурные универсалии, их возникновение уходит в глубину тысячелетий. В результате анализа обширного этнографического материала, связанного с ткачеством, автор выделил и классифицировал символические значения веревки и нити, которые совпали с функциями, выполняемыми ими в обыденной жизни и трудовых технологиях. Свою мысль относительно социальных взаимосвязей в сообществе человек мог выразить через предмет, с его точки зрения, выражающий эту мысль. Предмет в качестве знака в древности имел объем смыслов, равный своему значению и функции в бытовой жизни, и играл роль материализованной абстракции. Таким образом, роль социальной абстракции при отсутствии слова мог выполнять материальный предмет, чье назначение в человеческой деятельности было понятно всем членам сообщества. Знак и его символика задействовались для пояснения мысли, дополняли вербальный язык. Использование данных артефактов в качестве знаков для выражения мысли отражало специфику мышления и коммуникации древнего человека. Если коммуниканты прибегали к невербальной знаково-символической передаче информации для объективации новой мысли, то, возможно, еще не было слов, способных ее выразить. Чтобы понять, как невербальный знак мог быть задействован для выражения определенной мысли, недостаточно обращения лишь к культуре одного этноса. Мы можем поставить такой вопрос: какие знаки используются различными народами для выражения одной и той же мысли, связанной с общими для всех народов социальными явлениями, т. е. социокультурными универсалиями? Раскрытие тайны происхождения невербальных знаков и их символики возможно в кросс-культурных исследованиях, которые будут не менее результативными, чем компаративистские исследования вербальных языков.

Ключевые слова: символика нити, символика веревки, ткацкая технология, невербальный знак, вербальный язык, социальная абстракция.

*Адрес: 190068, Санкт-Петербург, Вознесенский просп., д. 46; e-mail: pechurina2002@mail.ru

Для цитирования: Печурина О.А. Гипотеза о происхождении некоторых невербальных знаков и их символики // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 3. С. 79–90. DOI: 10.37482/2227-6564-V022

Данное исследование посвящено проблеме символики нити и веревки, а также тайне ее происхождения. Эта символика и ее использование в языке знаков отражают характер мышления своих создателей и могут помочь при попытке реконструкции процесса формирования человеческого мышления. Исходной базой гипотезо-дедуктивного подхода к философско-социологической и культурологической реконструкции процесса происхождения невербальных знаков в виде ткацких артефактов послужили понятие «социальное» и теория социального действия современной социальной философии и социологии.

В результате анализа связанного с ткачеством обширного этнографического материала были выделены и классифицированы символические значения веревки и нити, совпавшие с функциями, которые выполняли эти артефакты в обыденной жизни и трудовых технологиях. Свою мысль относительно социальных взаимосвязей в сообществе человек мог выразить посредством предмета, который, по его мнению, эту мысль передавал. Знак и его символика могли служить пояснению мысли и дополняли вербальный язык. Отсюда вывод: предмет как знак в древности имел объем смыслов, равный своему значению и функции в бытовой жизни, и играл роль материализованной абстракции. Иначе говоря, при отсутствии слова его функцию в коммуникации мог выполнять материальный предмет, назначение которого было понятно всем членам общества. Использование данных артефактов в качестве знаков для выражения мысли отражало специфику мышления и коммуникации древнего человека. Если коммуниканты прибегали к невербальной знаково-символической передаче информации для объективации новой мысли, то, вероятно, еще не было слов, позволяющих ее выразить.

Данное исследование опирается на труды российских и зарубежных ученых. Описанию символики ткацких и плетеных изделий русского и других славянских народов посвящены работы отечественных авторов М.Р. Павловой

[1] и Г.С. Масловой [2]. Большое внимание символике нити, ткачества, ткацких изделий уделили исследователи полесской культурной традиции Н.И. и С.М. Толстые, О.А. Терновская, Н.Г. Владимирская, О.А. Седакова [3]. В трудах этнографов, таких как Д.К. Зеленин [4], А.А. Лебедева [5], П.В. Шейн [6], А.А. Потебня [7], М.М. Забылин [8], В.Л. Серошевский [9], Т.Ю. Сем [10], Н.А. Алексеев [11] и др., описаны поверья, ритуалы и символика, связанные с веревками и ткацкими изделиями народов России. Представленное читателю исследование базируется также на этнографических материалах, посвященных Японии, Индии, островам Индийского океана и т. д. (И.С. Жущиховская, А.М. Сагалаев, К.М. Герасимова, Н.Р. Гусева, Б. Малиновский, М. Элиаде [12–15]). Но в работах перечисленных авторов лишь перечисляются, упоминаются обычаи, поверья, связанные с ткацкими технологиями и изделиями, в них не предпринимаются попытки объяснения происхождения и толкования этих символов и знаков. Чтобы понять символику, необходимо было разобраться в ткацких технологиях и их истории. Это труды J.W. Barber [16], E. Broudy [17], А.К. Ёлкиной [18], А.А. Попова [19], М.М. Савенковой [20], Н.И. Лебедевой [21].

Собранный вышеперечисленными этнографами материал был проанализирован в контексте этнических культур-носителей (с учетом исторических эпох и культурно-хозяйственных типов обществ) с целью выделить символические значения указанных объектов и рассмотреть их использование в качестве культурных знаков в ритуалах. Оказалось, что выделенные символические значения этих знаков в поверьях, ритуалах и т. д. можно классифицировать. Так, веревка и нить [22] (которые могли быть также сделаны из волос) имеют значение пути, длительности (т. к. их использовали для измерения длины, а процесс времени в индоевропейских культурах ассоциировался с процессом прядения нити [23]), обозначают связь, служат оберегами (в обыденной жизни защищают тело, согревают, укрывают [24]), исполь-

зуются для обозначения половозрастной, родовой, этнической, статусной идентичности. Эти значения отмеченных артефактов в качестве знаков мы встречаем в свадебных, похоронных, родильных и других ритуалах [25]. Интересны исследования знаковой коммуникации Б.А. Себреникова [26] и Ф.И. Гиренка [27–29].

Знаковые системы всегда рассматривались как средства коммуникации, поэтому им приписывались основные функции – передачи информации и культурной памяти. Но невербальные знаковые системы не всегда ориентированы на другого. Так, веревка-пояс, которую русские крестьяне завязывали вокруг талии, носили под одеждой (не для чужих глаз) и не снимали даже в бане, использовали в качестве оберега, была предупреждением лишь для сверхъестественных сил, и о ней знал лишь хозяин. Знак также может быть и средством фиксации информации, например когда старушка завязывала на платочке узелок на память. Мы можем использовать знаки, понятные только нам самим, для обозначения (для себя) каких-то мер, расстояний, выделения каких-то предметов и в тысяче других случаев для осуществления собственной деятельности. Знаки, которые мы выбираем и используем для себя, понятны нам самим, и они не обязательно должны быть понятны (а иногда должны быть непонятны) другим. Вывод: знаковая символика может использоваться для себя, быть частью внутреннего мышления индивида (мышление для себя), а может – для передачи мысли другим индивидам (мышление для других). В последнем случае мысль должна быть выражена индивидом максимально понятно для другого, ее выражение должно учитывать особенности мышления и знаний другого и предполагать эмпатию. Чтобы индивидуальная мысль была передана (объективирована) другому индивиду и воспринята этим другим, она должна быть выражена в материальном виде (через предмет, звук, движение тела и т. д.). Вербальное слово не всегда выражает мысль [27, с. 45]. Невербальные знаки не только отражают индивидуальную мысль, но и

могут ее наглядно конструировать, моделировать, тем самым создавая новую реальность, отличную от естественной, но встроенную в естественную среду обитания человека. Эта новая реальность, сконструированная через знак, есть материализованное мышление. Но было бы ошибочно не видеть или игнорировать специфику невербальных знаковых систем, чье использование в человеческой жизни разнообразно.

Во-первых, они обозначают, предупреждают (создавая опережающий прогноз, по М. Веберу) социальную реальность при помощи всевозможных предметных, жестовых и других знаков, организуя поведение и взаимодействия участников социального действия. Эти невербальные знаки (наряду с вербальными и даже в большей степени, чем вербальные) сообщают и предупреждают, делают возможными вероятностные (в т. ч. традиционные) прогнозы взаимных «ожиданий» (а, как известно, социальную реальность отличает именно такая предсказуемость).

Суть процесса социального взаимодействия выразил Дж. Мид: «Отклик одного организма на жест другого в любом данном социальном действии есть смысл этого жеста... Подобно тому, как в оборонительной позиции парирования удара есть его истолкование, точно так же и в социальном действии приспособительный отклик одного организма на жест другого есть истолкование этого жеста этим организмом – он есть смысл этого жеста» [30, с. 221]. Невербальные наглядные знаки могут не только сопровождать процесс коммуникации, но также и стереотипизировать его, заменив цепочки мыслей по поводу взаимных ожиданий, о которых пишет Дж. Мид, на известные всем участникам коммуникации знаки-символы (жесты, движения тела, выражения лица и конкретные предметы). Знак, таким образом, будет обозначать тип взаимодействия, которое уже стандартизировано (т. е. знак утверждает норму, одинаковую для всех представителей конкретного сообщества в конкретной культуре), а следовательно, будет выражать и смысл взаи-

модействия. Невербальные знаковые системы обозначают наши «ожидания», наши мысли, делая их объективированными, т. е. доступными для других, а следовательно, социальными. Знаки делают реальность взаимодействий надиндивидуальной, т. е. объективной. Можно сказать, что они служат средством нормирования, обозначения и, в конечном счете, регуляции и конструирования социального действия. Знаковые системы, в которых главнейшую роль можно отвести именно невербальным, сделали возможными упорядоченность, прогнозируемость, сплоченность, организованность взаимодействий людей, т. е. то, что сегодня мы называем социальностью. «Магнитное поле» (эмерджентность) социальности создается в большей степени невербальными знаковыми системами, значительная заслуга которых в том, что социальные отношения и социальная реальность носят объективный характер. Использование невербальных знаковых систем, наделенных конкретным социальным смыслом, т. е. значением, закрепленным за ними, сделало возможным возникновение социальных традиций, или традиционных социальных действий. Например, плетеные и тканые элементы одежды обозначают принадлежность к половозрастным, статусным, религиозным группам, определенному роду, тотему и т. д. [22]; веревка (нить, кусок ткани, пояс, полотенце) используется в свадебной церемонии как символ семейной связи [25]. Но было бы неверно сводить эту функцию знаковых систем, в первую очередь именно невербальных знаковых, только к передаче информации.

Во-вторых, человек упорядочивает и конструирует, моделирует, организует, структурирует окружающий мир, входящий в область его жизнедеятельности, при помощи невербальных знаковых систем. Можно с уверенностью сказать, что древнейшее понимание и осмысление мира происходило и выражалось через невербальные знаковые системы, дополнялось вербальными. Мир древнего человека был миром символических знаков, в которых

он мог ориентироваться и которые подсказывали ему типы поведения.

В-третьих, предметные (невербальные) знаки могут символизировать персонажей иного мира, создавая в материальных формах нематериальные образы человеческого сознания, имеющие отношение к миру иному, потустороннему, мифологическому. Эти знаки не только отражают смыслы социальной реальности, но также моделируют мифологическую реальность, обозначают границы и смыслы реальности сверхъестественной, магической, существующей как бы параллельно, создавая иллюзию ее реального существования, присутствия рядом с человеком. Невербальные знаки опредмечивают потусторонний мир и его персонажей, т. е. делают их «зримыми», посюсторонними для тех, кто верит в эту мифологическую реальность, – этим создается иллюзия коммуникации верующих с таинственным миром сверхъестественного.

В результате классификации символических значений исследуемых объектов (в настоящей работе рассматривается конкретная область невербальных знаковых систем – ткацкие артефакты) и описания их использования в качестве знаков можно говорить о том, что во многих случаях данные значения совпадали с функциями, которые эти объекты выполняли в процессе обыденной жизни и трудовых технологий. Скорее всего, знак на первых порах имел объем смыслов, равный своему значению и функции в производственной жизни, а поэтому вполне понятный в невербальной коммуникации в разных общностях, имеющих различные вербальные языки, в которых значения слов часто не совпадали при попытке «перевода» (т. е. были неоднозначны). Возможно, знаковый семиотический язык ритуала дополнял вербальный язык, еще не обогатившийся словами-понятиями, обозначающими новые социальные отношения (например, возникновение устойчивой парной или другого типа семьи на фоне более древних семейных отношений). У многих народов Евразии брачующихся связывают или обматывают веревкой, поясом, поло-

тенцем, куском полотна [25]. Явление есть, а слова, отражающего зародившееся явление, т. е. новое понятие, еще нет; и на помощь приходит всем понятная из практической жизни система предметов, жестов, знаков, которые передают смысл и обозначают новое социальное явление. В философии, например, зародившаяся идея абстрактного понятия и различия чувственной и рациональной ступеней познания во времена Парменида, а затем Платона (при отсутствии слов, способных выразить эту идею) прошла долгий путь своего становления до терминологии в логике Аристотеля. Слово *материя*, в философской лексике обозначающее понятие материального, было заимствовано из обыденной жизни и обозначало в древности строевую древесину. Наглядный предметный знак или наглядное конкретное ритуальное действие, несущие символическое значение для человека палеолита, мезолита, неолита, возможно, играли роль абстракции, выражая новые идеи через понятные всем вещи и манипуляции с ними. Предметы, выступающие в качестве социальных знаков коммуникации в ритуалах, по объему значений были равны самим себе, т. е. веревка, используемая для связи, обозначала связь в ритуале, имела именно это значение по своей символике.

Можно предположить, что невозможность выразить абстрактную идею из-за отсутствия слов в языке, способных передать новые смыслы, приводит к символично-знаковому использованию, например, той же веревки при ритуале бракосочетания, где она обозначает зарождающиеся смыслы социальных норм, определенные нравственные отношения [25], которые на более поздних этапах человеческой цивилизации найдут выражение в осмысленных вербальных словах, обозначающих новые понятия. Отсюда можно сделать предположение о бедности древнего бытового вербального языка и малочисленности слов, обозначающих социальные смыслы. Возможно, потому, что первоначально человеческая деятельность, предполагающая использование предметов, требовала минимума вербального языка для

организации и поддержания трудовой коммуникации. В частности, освоение технологий молодыми поколениями происходило наглядно (как это принято в традиционных культурах и сегодня), путем повторения движений мастера, а не путем словесного анализа производящихся манипуляций.

Формирование социальной реальности и есть специфика вида *homo sapiens*, у которого эта социальность начинает играть ведущую роль. Передача индивидуального опыта у животных ограничена временем воспитания потомства, возможностями передачи информации при отсутствии развитого языка. Напротив, устойчивое первобытное сообщество людей палеолита создает разнообразные способы передачи индивидуального опыта (превращая его в опыт социально-культурный) посредством вербального языка, рисунка, танца, языка жестов из поколения в поколение. Знак в этих разнообразных способах коммуникации играет также важную роль, передавая информацию, связанную с формирующейся социальной и демографической структурой, зарождающимися социальными институтами (например, семьи, решающей вопросы регулирования половых отношений, упорядочивания воспроизводства и, главное, социализации молодого поколения). Мы не знаем, каковы были социальная структура первобытного сообщества и тип семьи, но то, что для обозначения новых социальных реалий потребовался символический язык знаков, говорит нам о том, что процессы институционализации, развития социальной и демографической структур происходили и осмысливались. Причем эта новая социальная реальность (включающая в себя и мир духов, и мир мертвых) понималась как отличная от реальности трудовой повседневности, которая не нуждалась в знаково-символической форме передачи информации. Также можно утверждать, что трудовая повседневная деятельность, где возникают технологии выживания (например, производство веревки, каната, нити), появляется раньше тех социальных отношений, что осмысливаются и символически обознача-

ются предметами, получаемыми в их результате. Такая трудовая повседневность в отличие от повседневности социальной не требует символического языка и, скорее, базируется на естественных и функциональных знаках, которые в традиционном смысле знаками назвать сложно.

Возникающие новые смыслы в социальной жизни – это результат и причина индивидуального мышления индивида (мышления для себя), а мысль может быть воплощена в жизнь только при ее точном адекватном выражении (для других). Такой вывод будет противоречить распространенному представлению, что на заре человеческой общности индивид не отделял себя от своего сообщества и окружающей природы, т. е. индивидуальность и личность – результат более позднего социального и культурного развития человечества. Но сам факт существования потребности в выражении мысли для других членов сообщества (о чем говорит поиск способа выражения посредством знаково-символического языка) говорит о существовании индивидуального мышления (мышления для себя). Американский лингвист Н. Хомский выдвинул гипотезу о наличии внутренней, немой речи у человека на заре истории – для такой речи необходим был вербальный язык. С его точки зрения, вербальный язык нужен был человеку в первую очередь не для бытовой коммуникации (бедной своими возможностями выражения мысли и смыслов, т. к. рождался в процессе предметной деятельности), а для индивидуального мышления. Но тогда, естественно, возникала и проблема выражения мыслей, которые могли умереть вместе со своим носителем, их генерирующим, будучи не выраженными для других.

Ф.И. Гиренок допускает возможность внутреннего языка мышления, который мог отличаться от современного. Это язык предметных значений, не зависящих от языка (например, код образов и схем) [31]. Но, если допустить эвристичность догадки Ф.И. Гиренка, то использование предмета из реальной жизни и технологии, т. е. из бытовой жизни древнего

человека (например, веревки) для выражения внутренней индивидуальной мысли, вполне логично.

Социальная реальность – невидимый мир, складывающийся не из случайных, а из сложившихся, повторяющихся устойчивых отношений и иерархии социальных позиций. Повторяемость отношений и поведения становится нормой в последующих поколениях. Причем данные отношения вычленяются мысленно в отличие от осязаемых объектов физического мира, с которыми человек имеет дело в практической трудовой деятельности. Для человека эпохи палеолита и мезолита, возможно, такое мысленное вычленение социальных отношений равно мысленному конструированию мира духов и мира мертвых, также включенных в социальные отношения и мыслимых как реальные. Да и сам устанавливающийся социальный порядок приобретает характер логически понимаемой конструкции. Обозначая новую – нефизическую (не природную) – реальность, знак приобретает характер «предметной» абстракции, выражающей мысль относительно этой новой реальности. Возможно, формирование вербального языка отставало от эволюционирующих и вновь возникающих отношений в социальной сфере, требующих тем не менее своего выражения в логике понятий. Такой логикой понятий и становится социально-символическая коммуникация, первоначально выраженная в предметной форме символических знаков. Но наличие нового знакового языка, обозначающего новую социальную реальность, говорит нам лишь о развитом процессе индивидуального (а не коллективного, как считал Л. Леви-Брюль, или наряду, параллельно с ним) мышления.

А.Д. Столяр, археолог, историк искусства, поднимал вопрос «об исторически специфичных формах бытия абстракции в первобытности»: «Наша подсознательная убежденность в том, что абстракция всегда могла проявляться только в ее современном виде, вероятно, ведет к существенным заблуждениям. В науке настолько утвердилось мнение об исключительной бед-

ности сознания архаичных племен видовыми и тем более родовыми понятиями, что вряд ли уместно делать ссылки на отдельных авторов» [32, с. 268]. Интересен его пример с наличием понятия «кенгуру вообще» у австралийских племен. Так, Ф. Боас был уверен, что австралийцы не имеют отвлеченных идей, в частности «кенгуру вообще», т. к. в обыденной жизни пользуются конкретными представлениями. Но А.Д. Столяр связывал с общими понятиями обрядово исполняемые ими абстрактно-схематичные рисунки кенгуру на земле (причем сходные с раннеориньякскими контурами палеолита). Искусствовед предполагал, что изображенный абстрактный собирательный образ кенгуру непременно должен был обозначаться словом, но тайно, при ритуалах, т. е. изобразительному невербальному символу должно было соответствовать вербальное слово. Мысль А.Д. Столяра, которую хочется поддержать: «Мышление архаичных племен значительно богаче общими определениями и, следовательно, действительно логичнее в самой основе, чем это принято считать. Только все подобные категории в нем характеризуются большей степенью материализованности» [32, с. 268].

Человек связывает веревкой, ниткой предметы, следовательно, с ними ассоциируется идея связывания. Если один человек показывает другому веревку, то оба думают о манипуляции связывания веревкой и представляют себе знакомый процесс. Из нити, символизировавшей связь рода, создавались шнуры, пояса, игравшие роль оберегов, и полотно. Данные изделия содержали в себе нить и несли ее семантику. В Полесье о разорвавшейся нитке с бусами говорили «умре жінка» («умрет женщина»). Видимо, с этой системой представлений о нити как длительности человеческой жизни (при помощи веревки проводили измерения, а сама нить символизировала дарованную людям мойрами, богинками, дивами и т. д. судьбу) связан запрет резать полотно. Указанные действия всегда регламентировались ритуалами. В ритуалах и поверьях веревка становится знаком социального отноше-

ния благодаря простой мысленной аналогии (представлению) с действием соединения, скрепления, связывания реальных предметов в человеческой деятельности.

Можно предположить, что наиболее распространенные знаки и их значения в верованиях и ритуалах могут быть и самыми древними в истории человечества. Их распространение среди этносов с традиционной культурой и цивилизованных народов, у которых эти же знаки и их символика завуалированы, но могут быть обнаружены, связано или совпадает с географией древнейшего расселения и коммуникаций человечества. Вполне возможно, что формирование этой «юной» социальной реальности начинается в самый ранний период «исхода» из Северо-Восточной Африки или изначально в Африке, а затем она продолжает развиваться по заложенной тогда логике мышления и правил коммуникации. На вновь заселяемых территориях, в сообществах потомков, у которых ритуал закрепляет социальную мысль, отражающую социальные процессы, обращенные к «реальному» миру предков и духов (т. е. к тому, что мы называем сверхъестественным, а традиционные культуры понимают как вполне естественное, существующее), логика мышления и коммуникации продолжает свое развитие. В этом смысле можно рассматривать символику знаков как язык коммуникации.

В свете вышесказанного ритуал можно рассматривать как текст (текстовое сообщение и текст коммуникации), а символический знак в нем как элемент (фрагмент) языка этого текста. Можно ли изучать «тексты» ритуалов различных народов, связанных со сходными социальными отношениями и действиями, прибегая к сравнительному методу? Ф. Боас писал, что «прежде чем пускаться в широкие сопоставления, необходимо доказать сопоставимость материала» [33, с. 514]. Для того чтобы понять, как невербальный знак используется для выражения определенной мысли, недостаточно обращения лишь к одной культуре. Мы можем поставить вопрос: какие знаки используются различными народами для выражения одной

и той же мысли (ибо мышление – человеческая универсалия), связанной с общими для всех народов определенными социальными явлениями – социокультурными универсалиями (в частности, для выражения связи мужчины и женщины в браке и любви, родственной связи)? Определенно сопоставимы, например, свадебные ритуалы различных этносов (в разных регионах связанные с зарождением новой семьи как «ячейки общества», по выражению Э. Гидденса). Как известно, семья – социокультурная универсалия человечества. При сравнении свадебных церемоний могут быть соотнесены их элементы и, в свою очередь, символика элементов. Изучая и сравнивая семантику знака в различных культурах, мы увеличиваем диапазон сведений об использовании этого знака и его значении в сходных социокультурных ситуациях. Так, если элементами свадебной церемонии (свадебного ритуала) становятся веревка, нитка, пояс, полотенце или полотнище ткани, выражающие мысль о связи двух людей в Полинезии, у славянских и других европейских народов, у этносов на территории Индии, т. е. на удаленных друг от друга территориях, не имеющих в обозримой истории общих культурных корней, мы можем иметь основания для сравнительного анализа. В данном случае можно сравнить символику знаков (нити, веревки, пояса, полотнища ткани или полотенца), выделяя их из контекста ри-

туала, рассматриваемого как текст. Возможно, такой подход может приоткрыть тайну происхождения знака, а также показать, как знак изменялся с историческим развитием культур (например, в условиях индустриализации или иностранной колонизации). Мы будем иметь право и возможность сопоставлять тексты ритуалов, выраженные в знаках (в их символике) не менее результативно, чем, допустим, вербальные языки. Все сравниваемые предметные знаки становятся объектом социального пространства, погружены в социальную реальность и социальное взаимодействие, которое они и обозначают.

Таким образом, выбор символического знака для обозначения социокультурных взаимодействий в конкретных культурах отражает специфику мышления представителей этих культур, воплотивших в знаках складывающиеся социальные императивы. Свою мысль о социальных взаимосвязях в сообществе человек способен был выразить через предмет, который, с его точки зрения, и выражал данную мысль. Значение предмета рождалось в бытовом его использовании, известном каждому представителю сообщества, и дополняло вербальный язык или вербальный язык дополнял предметной коммуникации. Следовательно, предметный знак являлся воплощением мысли, способом ее выражения, т. е. материализацией индивидуальной мысли.

Список литературы

1. Павлова М.Р. Магические приговоры в ткачестве // Славянское и балканское языкознание: Структура малых фольклорных текстов: сб. ст. / Ин-т славяноведения и балканистики РАН; отв. ред. С.М. Толстая, Т.В. Цивьян. М.: Наука, 1993. С. 170–183.
2. Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX. М.: Наука, 1984. 216 с.
3. Гура А.В., Терновская О.А., Толстая С.М. Материалы к полесскому этнолингвистическому атласу // Полесский этнолингвистический сборник: материалы и исследования. М.: Наука, 1983. С. 49–153.
4. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография: пер. с нем. М.: Наука, 1991. 511 с.
5. Лебедева А.А. Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX–XX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М.: Наука, 1989. С. 229–248.
6. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном. Т. I, ч. II. Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1890. 720 с.

7. *Потебня А.А.* О некоторых символах в славянской народной поэзии // *Потебня А.А.* Слово и миф. М.: Правда, 1989. С. 285–378.
8. *Забьлин М.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. СПб.: ТОО «Брайт Лайт», 1996. 463 с.
9. *Серошевский В.Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 1993. 736 с.
10. *Сем Т.Ю.* Семантика шаманских ритуалов (по материалам тунгусских народов Сибири и Дальнего Востока) // Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв.: хрест.: в 2 т. Т. 2. / сост. Т.Ю. Сем. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ; Нестор-История, 2011. С. 374–438.
11. *Алексеев Н.А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1980. 320 с.
12. *Жуциховская И.С.* Гончарство первобытных культур юга Дальнего Востока как палеоэкономическое явление // Очерки первобытной археологии Дальнего Востока (Проблемы исторической интерпретации археологических источников) / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дал. Востока. М.: Наука, 1994. С. 148–204.
13. *Гусева Н.Р.* Индия в зеркале веков. М.: Вече, 2002. 448 с.
14. *Малиновский Б.* Сексуальная жизнь дикарей Северо-Западной Меланезии // *Малиновский Б.* Избранное: Динамика культуры: пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 959 с.
15. *Элиаде М.* Шаманизм: Архаические техники экстаза: пер. с англ. Киев: София, 2000. 480 с.
16. *Barber E.J.W.* Prehistoric Textiles: The Development of Cloth in the Neolithic and Bronze Ages with Special Reference to the Aegean. Princeton: Princeton University Press, 1992. 471 p.
17. *Broudy E.* The Book of Looms: A History of the Handloom from Ancient Times to the Present. London: Studio Vista, 1979. 176 p.
18. *Ёлкина А.* Плетеный орнамент и древнее ремесло // Знание – сила. 1982. № 1. С. 23–25.
19. *Попов А.А.* Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. Т. XVI. С. 41–146.
20. *Савенкова М.М.* Узелковое плетение в магической практике славян // Изв. Воронеж. гос. пед. ун-та. 2014. № 1(262). С. 229–234.
21. *Лебедева Н.И.* Прядение и ткачество восточных славян // Восточнославянский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 459–540.
22. *Печурина О.А.* Семантика человеческого волоса и изделий из него в культуре // Дизайн. Материалы. Технология. 2016. № 1. С. 66–81.
23. *Печурина О.А.* Нить и веревка как символы пути // Дизайн. Материалы. Технология. 2017. № 2. С. 90–96.
24. *Печурина О.А.* Проблема происхождения символа (на примере символики нити, шнура, веревки как символов связи и соединения) // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та технологии и дизайна. Сер. 3: Экон., гуманитар. и обществ. науки. 2016. № 1. С. 73–77.
25. *Печурина О.А.* Свадебная семантика нити, веревки, пояса, ткацких изделий // Дизайн. Материалы. Технология. 2017. № 3. С. 88–96.
26. *Серебрянников Б.А.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / отв. ред. В.М. Солнцев. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 248 с.
27. *Гиренок Ф.И.* Удовольствие мыслить иначе. М.: Акад. Проект; Фонд «Мир», 2010. 235 с.
28. *Гиренок Ф.И.* Аутография языка и сознания. М.: МГИУ, 2010. 247 с.
29. *Гиренок Ф.* Абсурд и речь. Антропология воображаемого. М.: Акад. Проект, 2012. 237 с.
30. *Мид Дж.* От жеста к символу // Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд. Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996. С. 213–221.
31. *Гиренок Ф.* Н. Хомский «Язык и мышление». URL: <https://censura.ru/articles/girenokandhomsyky.htm> (дата обращения: 15.04.2018).
32. *Столяр А.Д.* Происхождение изобразительного искусства. М.: Искусство, 1985. 299 с.
33. *Боас Ф.* Границы сравнительного метода в антропологии // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб.: Унив. кн., 1997. С. 509–518.

References

1. Pavlova M.R. Magicheskie prigovory v tkachestve [Incantations in Weaving]. Tolstaya S.M., Tsiv'yan T.V. (eds.). *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie: Struktura malykh fol'klornykh tekstov* [Slavic and Balkan Linguistics: The Structure of Minor Folklore Texts]. Moscow, 1993, pp. 170–183.
2. Maslova G.S. *Narodnaya odezhda v vostochnoslavlyanskikh traditsionnykh oby chayakh i obryadakh XIX–nachala XX* [Folk Clothes in Traditional East Slavic Customs and Rites of the 19th – Early 20th Centuries]. Moscow, 1984. 216 p.
3. Gura A.V., Ternovskaya O.A., Tolstaya S.M. Materialy k polesskomu etnolingvisticheskomu atlasu [Materials for the Ethnolinguistic Atlas of Polesia]. *Polesskiy etnolingvisticheskiy sbornik: materialy i issledovaniya* [Ethnolinguistic Collection of Polesia: Research and Materials]. Moscow, 1983, pp. 49–153.
4. Zelenin D.K. *Russische (Ostslavische) Volkskunde*. Berlin, 1927. 424 p. (Russ. ed.: Zelenin D.K. *Vostochnoslavlyanskaya etnografiya*. Moscow, 1991. 511 p.).
5. Lebedeva A.A. Znachenie poyasa i polotentsy v russkikh semeyno-bytovykh oby chayakh i obryadakh XIX–XX vv. [The Significance of Belt and Towel in Russian Family Customs and Rites of the 19th – 20th Centuries]. *Russkie: semeynnyy i obshchestvennyy byt* [Russians: Family and Social Life]. Moscow, 1989, pp. 229–248.
6. *Materialy dlya izucheniya byta i yazyka russkogo naseleniya severo-zapadnogo kraya, sobrannyye i privedennyye v porядok P.V. Sheynom. T. I, ch. II. Bytovaya i semeynaya zhizn' belorusa v obryadakh i pesnyakh* [Materials for Studying the Life and Language of the Russian Population in the North-Western Region, Collected and Arranged by P.V. Shejn. Vol. 1, pt. 2. Belarusians' Everyday and Family Life in Rituals and Songs]. St. Petersburg, 1890. 720 p.
7. Potebnja A.A. O nekotorykh simvolakh v slavyanskoy narodnoy poezii [On Some Symbols in Slavic Folk Poetry]. Potebnja A.A. *Slovo i mif* [Word and Myth]. Moscow, 1989, pp. 285–378.
8. Zabylin M. *Russkiy narod. Ego oby chaj, obryady, predaniya, sueveriya i poeziya* [The Russian People. Their Customs, Rites, Legends, Superstitions and Poetry]. St. Petersburg, 1996. 463 p.
9. Seroshevskiy V.L. *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [The Yakuts: Ethnographic Research]. Moscow, 1993. 736 p.
10. Sem T.Yu. Semantika shamanskikh ritualov (po materialam tungusskikh narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka) [The Semantics of Shamanistic Rituals (Based on the Materials of the Tungusic Peoples of Siberia and the Far East)]. Sem T.Yu. (comp.). *Shamanizm narodov Sibiri. Etnograficheskie materialy XVIII–XX vv.* [Shamanism of Siberian Peoples. Ethnographic Materials of the 18th – 20th Centuries]. Vol. 2. St. Petersburg, 2011, pp. 374–438.
11. Alekseev N.A. *Rannie formy religii tyurkoyazychnykh narodov Sibiri* [Early Forms of Religion of the Turkic-Speaking Peoples of Siberia]. Novosibirsk, 1980. 320 p.
12. Zhushchikhovskaya I.S. Goncharstvo pervobytnykh kul'tur yuga Dal'nego Vostoka kak paleoekonomicheskoe yavlenie [Pottery of Primitive Cultures in the South of the Far East as a Paleo-Economic Phenomenon]. *Ocherki pervobytnoy arkheologii Dal'nego Vostoka (Problemy istoricheskoy interpretatsii arkheologicheskikh istochnikov)* [Essays on the Primitive Archaeology of the Far East (Problems of Historical Interpretation of Archaeological Sources)]. Moscow, 1994, pp. 148–204.
13. Guseva N.R. *Indiya v zerkale vekov* [India in the Mirror of Centuries]. Moscow, 2002. 448 p.
14. Malinowski B. Seksual'naya zhizn' dikarey Severo-Zapadnoy Melanezii [The Sexual Life of Savages in Northwest Melanesia]. Malinowski B. *Izbrannoe: Dinamika kul'tury* [Selected Works: The Dynamics of Culture]. Moscow, 2004. 959 p.
15. Eliade M. *Shamanizm: Archaicheskie tekhniki ekstaza* [Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy]. Kiev, 2000. 480 p.
16. Barber E.J.W. *Prehistoric Textiles: The Development of Cloth in the Neolithic and Bronze Ages with Special Reference to the Aegean*. Princeton, 1992. 471 p.
17. Broudy E. *The Book of Looms: A History of the Handloom from Ancient Times to the Present*. London, 1979. 176 p.
18. Elkina A. Pletenny ornament i drevnee remeslo [Plait Pattern and Old Handicraft]. *Znanie – sila*, 1982, no. 1, pp. 23–25.
19. Popov A.A. Pletenie i tkachestvo u narodov Sibiri v XIX i pervoy chetverti XX stoletiya [Plaiting and Weaving Among the Peoples of Siberia in the 19th and First Quarter of the 20th Century]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow, 1955. Vol. 16, pp. 41–146.

20. Savenkova M.M. Uzelkovoe pletenie v magicheskoy praktike slavyan [Knotting in the Magical Practice of the Slavs]. *Izvestiya VGPU*, 2014, no. 1, pp. 229–234.
21. Lebedeva N.I. Pryadanie i tkachestvo vostochnykh slavyan [Spinning and Weaving of the East Slavs]. *Vostochnoslavyanskiy etnograficheskiy sbornik* [East Slavic Ethnographic Collection]. Moscow, 1956, pp. 459–540.
22. Pechurina O.A. Semantika chelovecheskogo volosa i izdeliy iz nego v kul'ture [The Semantics of Human Hair and Products Made of It in Culture]. *Dizayn. Materialy. Tekhnologiya*, 2016, no. 1, pp. 66–81.
23. Pechurina O.A. Nit' i verevka kak simvol'y puti [Thread and Rope as Symbols of the Path]. *Dizayn. Materialy. Tekhnologiya*, 2017, no. 2, pp. 90–96.
24. Pechurina O.A. Problema proiskhozhdeniya simvola (na primere simboliki niti, shnura, verevki kak simbolov svyazi i soedineniya) [The Problem of Symbol Origin (Studying String, Cord, and Rope Symbols with Respect to Communication and Connection)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizayna. Ser. 3: Ekonomika, gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2016, no. 1, pp. 73–77.
25. Pechurina O.A. Svadebnaya semantika niti, verevki, poyasa, tkatskikh izdeliy [Wedding Semantics of Thread, Rope, Belt and Textiles]. *Dizayn. Materialy. Tekhnologiya*, 2017, no. 3, pp. 88–96.
26. Serebrennikov B.A. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i myshlenie [The Role of the Human Factor in Language: Language and Thinking]. Moscow, 2010. 248 p.
27. Girenok F.I. Udovol'stviye myslit' inache [The Pleasure of Thinking Differently]. Moscow, 2010. 235 p.
28. Girenok F.I. Autografiya yazyka i soznaniya [The Autography of Language and Consciousness]. Moscow, 2010. 247 p.
29. Girenok F. Absurd i rech'. Antropologiya voobrazaemogo [Absurdity and Speech. The Anthropology of the Imaginary]. Moscow, 2012. 237 p.
30. Mead G. Ot zhesta k simvolu [From Gesture to Symbol]. Dobren'kov V.I. (ed.). *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': Teksty* [The American Sociological Thought: Texts]. Moscow, 1996, pp. 213–221.
31. Girenok F. N. Khomskiy "Yazyk i myshlenie" [N. Chomsky's *Language and Mind*]. Available at: <https://censura.ru/articles/girenokandhomskey.htm> (accessed: 15 April 2018).
32. Stolyar A.D. Proiskhozhdenie izobrazitel'nogo iskusstva [The Origin of Visual Arts]. Moscow, 1985. 299 p.
33. Boas F. Granitsy sravnitel'nogo metoda v antropologii [The Limits of the Comparative Method in Anthropology]. *Antologiya issledovaniy kul'tury. T. I. Interpretatsii kul'tury* [An Anthology of Cultural Studies. Vol. 1. Interpretations of Culture]. St. Petersburg, 1997, pp. 509–518.

DOI: 10.37482/2227-6564-V022

Ol'ga A. Pechurina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design;
Voznesenskiy prosp. 46, St. Petersburg, 190068, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2177-9044> e-mail: pechurina2002@mail.ru

HYPOTHESIS ABOUT THE ORIGIN OF SOME NON-VERBAL SIGNS AND THEIR SYMBOLISM

This paper hypothesizes about the origin of some non-verbal signs based on the material of the use of weaving artifacts. Weaving technologies are cultural universals that originated thousands of years ago. As a result of the analysis of extensive ethnographic material related to weaving, the author identified and classified the symbolic meanings of the thread and the rope. It was found that these meanings coincide with the functions that the artifacts performed in everyday life and labour technologies. Humans could convey their thoughts about social relationships in the community by means of objects that in their

For citation: Pechurina O.A. Hypothesis About the Origin of Some Non-Verbal Signs and Their Symbolism. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2020, no. 3, pp. 79–90. DOI: 10.37482/2227-6564-V022

opinion were able to express these thoughts. An object as a sign in the early history of humankind had a scope of meanings equal to its purpose and function in everyday life and served as a materialized abstraction. Thus, for lack of an actual word, a material thing whose purpose in human activity was known to all the members of the community could play the role of social abstraction. The sign and its symbolism could help to explain the thought and supplemented the verbal language. The use of these artifacts as signs for expressing thoughts reflected the specifics of thinking and communication at the early stage of human history. If humans resorted to a non-verbal sign-symbolic communication to objectivize a new thought, then, perhaps, no words existed at that period that could express it. In order to understand how non-verbal signs were used for conveying certain thoughts, one has to go beyond the culture of one ethnic group. We can ask ourselves the following question: what signs are used by different peoples for expressing the same thought related to certain sociocultural universals? The mystery of the origin of non-verbal signs and their symbolism can be solved in cross-cultural studies, which are sure to be at least as effective as comparative studies of verbal languages.

Keywords: *thread symbolism, rope symbolism, weaving technology, non-verbal sign, verbal sign, social abstraction.*

Поступила: 16.12.2019

Принята: 22.04.2020

Received: 16 December 2019

Accepted: 22 April 2020